

О ДВУХ «НИКОЛАЕВСКИХ» СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА

Историко-литературные и текстологические заметки

У Пушкина есть три стихотворения, в которых воздаётся хвала императору Николаю I: «Стансы», «Друзьям» и «Герой». В настоящей статье речь пойдёт о первых двух.

22 декабря 1826 года, на третий день после возвращения из Псковской губернии в Москву, Пушкин в гостях у своего недавнего московского приятеля В.П. Зубкова на небольшом клочке бумаги набросал черновые строки своего стихотворения, в печатной публикации получившего название «Стансы» и начинавшегося афористичными строками: «В надежде славы и добра / Гляжу вперёд я без боязни...» (III, 40). Когда было завершено это стихотворение, мы — за отсутствием других авторско-рукописных источников текста — сказать точно не можем. Его датировка в Большом академическом собрании сочинений Пушкина (III, 1134) совпадает с датой написания черновика, однако это представляется излишне жёстким решением. В июле следующего, 1827 года Пушкин послал это стихотворение — наряду с другими своими текстами — Бенкендорфу на царскую цензуру; в свете этого написание белого текста может быть отнесено к весьма обширному периоду: 20-е числа декабря 1826 года — июль 1827-го. Всё же наиболее вероятно, что завершил стихотворение Пушкин в течение нескольких недель после упомянутого черного наброска.

Вот транскрипция этого единственного рукописного источника стихотворения. Пояснение к транскрипции: 1) подчёркивание пробела между словами в первой строке означает небрежно-слитное написание слов в скорописи; 2) строки помечены в нижних индексах перед ними

Работа выполнена в рамках проекта «Разработка информационной системы мультимедийного представления текстологической информации (Проект «Видеотекст»)», № 13-04-12029, по гранту, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом (период 2013—2015 гг.). Автор признателен Н.Н. Перцовой за придирчивую и нелицеприятную критику первоначальной версии настоящей статьи, повлёкшую ряд существенных коррекций.

двойными номерами, данными в квадратных скобках через косую черту: сначала номер в соответствии с верхним слоем черновика, затем — в соответствии с последовательностью его заполнения.

[1/1] Во_все~~мь~~ будь прашуру подобень

[2/2] Какъ онъ рѣшителень и твердь

[3/3] Но памятью, какъ онъ, незлобень —

[4/4] Самодержавною рукой
смѣло

[5/5] Онъ ~~ведетъ~~ съяль просвѣщенье

[6/10] Не презираль страны родной
Академикъ , то Герой

[7/11] И зрѣль ея [8/6] То ~~вождь~~ ,
предназначенье

[9/7] То мореплаватель , то плотникъ
всеобъемлющей

[10/8] ~~Неутомимо~~ онъ душо<й>

[11/9] На тронѣ вѣчный былъ работникъ
22 Декабря.

1826 годъ. Москва у Зуб.¹

Справа от черновика — перпендикулярно к нему — набросок зачёркнутой фразы, начинающей, по-видимому, записку, обращённую к некоей даме; эта фраза в справочном издании Л.Б. Модзалевского и Б.В. Томашевского² расшифровывается как «начало письма к неизвестной»: «<Madam>e» je vous avois — parlé de» — «Мадам, я вам сказал о» (от слова *Madame* осталась лишь последняя буква *e*, то есть оно восстанавливается предположительно, хотя и высоковероятно). Очевидно, что фраза была написана до черновика. Пушкин её зачёркнул, повернул листок и стал в другом направлении набрасывать стихотворение. Сверху и снизу по отношению к тексту черновика листок неровно оборван; можно предположить, что на уничтоженной поверхности страницы находились какие-то другие записи.

¹ РОПД. Ф. 244, оп. 1, № 86.

² Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание / сост. Л.Б. Модзалевский и Б.В. Томашевский. М. ; Л., 1937. С. 36.

Как явствует из записи внизу, черновик был набросан в доме московского приятеля Пушкина Василия Петровича Зубкова. Он был сверстником Пушкина и выступал как посредник в его отношениях с дальней родственницей поэта Софьей Фёдоровной Пушкиной, к которой тот сватался осенью 1826 года (Зубков был женат на её сестре Анне Фёдоровне). Вероятно, именно от Зубкова Пушкин и узнал об отказе своей тогдашней избранницы (вскоре вышедшей замуж за другого). Однако в те же дни он услышал не только эту огорчительную весть. Не исключено, что именно Зубков рассказал ему о комитете, основанном императором совсем незадолго до возвращения Пушкина в Москву, — так называемом Секретном комитете 6 декабря, нацеленном на преобразование государственного аппарата в России¹. Может быть, Зубков сказал об этом в конфиденциальном разговоре в тот же день — и оживил надежды поэта на преобразовательную деятельность нового царя, столь милостиво освободившего его от плена изгнания². И вот, прервав писание начатой записки, поэт стал торопливо набрасывать поэтические строки.

Последние две строки внизу — указание даты и места — были, как кажется, вписаны после обрыва листа: расстояние между строками (как

¹ Об этом комитете в связи с «николаевскими» стихотворениями пишет Б.В. Томашевский: «Слухи о деятельности секретного комитета 6 декабря 1826 г. давали основания Пушкину и его кругу ожидать важных изменений в направлении внутренней политики» (*Томашевский Б.В.* Из пушкинских рукописей // Литературное наследство. Вып. 16—18. М., 1934. С. 304—305). В книге Д.Д. Благого осведомлённость поэта об учреждении секретного комитета и её связь со «Стансами» утверждаются уверенно: «По приезде в Москву (вечером 19 декабря) Пушкина встретило горестное известие... «Нина» — С.Ф. Пушкина — во время его затянувшегося отсутствия отдала свою руку другому. Но одновременно он узнал и о важной политической новости. 6 декабря Николаем I был учреждён... особый секретный комитет для пересмотра всего государственного устройства и управления России. Это произвело громадное впечатление на Пушкина... Воодушевлённый услышанным, он создаёт впервые после декабрьской катастрофы новое программно-политическое стихотворение, обращённое к царю, — «Стансы...» (*Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 115—116).

² Вести о благодеяниях царя по отношению к первому русскому поэту в осенне-зимние месяцы 1826 года распространялись по России. Характерно свидетельство Н.М. Языкова в письме к брату Петру, написанному в те же декабрьские дни (29-го числа): «Пушкинь въ большой милости у Государя: его будеть имѣть благодѣтельное дѣйствие на нашу литературу. Онъ хочет напечатать свою трагедію Борисъ Годуновъ; она лучше всего, что онъ сочинилъ доселѣ, удивительно вѣрно изображаетъ нравы тогдашняго времени — и вообще подвигъ знаменитый» (Языковский архив. Вып. 1. Письма Н.М. Языкова родным за дерптский период жизни (1822—1829). СПб., 1913. С. 290).

сказали бы ныне — интерлиньяж) и почерк здесь мельче, чем выше в стихотворном наброске. Скорее всего, записи на оборванной части страницы отношения к стихам не имели, и Пушкин посчитал нужным от них избавиться. Законченного поэтического текста черновик в его верхнем слое не даёт: если говорить о формальном аспекте, то нет рифмы у второй строки (со словом «твердь»); если же о содержании — не разъяснено, о ком же идёт речь (хотя это и вычитывается — даже при отсутствии знания печатного текста стихотворения): трижды повторенное местоимение «онь» как бы повисает в воздухе. Сравнительно с печатным текстом — из пяти строф здесь намечены лишь последние три: пятая, третья и четвертая строфа — именно в такой последовательности. Из одиннадцати строк верхнего слоя черновика в печатный текст семь перешли без изменений, одна строфа черновика (последняя в нём) — сохранилась в печатном тексте полностью.

Надо сказать, этот черновик принадлежит к той области черновых пушкинских рукописей, относительно немногочисленной, когда последовательность построкового заполнения может быть достаточно правдоподобно восстановлена: сначала были записаны строки, в транскрипции данные более крупным кеглем, а затем вписаны две, данные в ней меньшим. Относительно же последовательности выполнения трёх замен и вписывания двух строк трудно — если не невозможно — сделать достаточно вероятные утверждения¹.

Пушкин не торопился печатать своё первое «николаевское» стихотворение: оно было направлено в царскую цензуру через Бенкендорфа лишь 20 июля 1827 года, то есть через несколько месяцев после написания. Спустя месяц Плетнёву, на которого поэт, уехавший в Михайловское, оставил свои издательские дела, было сообщено о разрешении на печатание «Стансов», а Пушкин узнал об этом в самом конце августа. Нет сомнений, однако, в том, что стихотворение в обществе стало широко известно ещё до его опубликования в начале 1828 года в первом номере «Московского Вестника»: поэт справедливо полагал, что, несмотря на упрёки Бенкендорфа в чтении не прошедших ещё цензуру сочинений (в связи с многочисленными чтениями «Бориса Годунова» в Москве осенью 1826 года), на эти явно хвалебные «николаевские» «Стансы» недовольство царя и его администрации распространяться не должно. Надо сказать, что конкретных неодобритель-

¹ Вариант для строки 10/8 «Неутомимой он душой» (III, 584) представляет ошибку: в концовке первого слова буквы *й* нет.

ных откликов на «Стансы» до их публикации известно немного: мне известен лишь один — в письме поэта Языкова к брату Александру от 20 ноября 1827 года: «Письмо твое, съ приложениемъ двухъ пьесъ Пушкина, я получилъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что мнѣ давно хотѣлось знать, что именно написалъ нашъ Байронъ къ Государю. Между нами будь сказано, стансы его слишкомъ холодны; солдат[ская] пѣсня въ своемъ родѣ лучше, но и въ ней есть кое-что неприличное: стихи для рифмы, выраженія неумѣстныя (имеется в виду грубовато-непристойная «Рефугация Беранжера». — *Н.П.*). Правда ли, что Пушкинъ сочиняетъ исторію Петра I-го? Не тиснетъ ли онъ Годунова?»¹ Замечу, что здесь явного упрека в лести мы не видим — скорее наоборот: Языков полагает «градус» восхваления недостаточно высоким. При этом есть основания предполагать такие упреки со стороны, скажем, Вяземского, Раевского-младшего, Чаадаева или Катенина². Скорее всего, в большинстве случаев неодобрение и осуждение со стороны близкого круга людей (и не только близкого) поэт узнавал изустным путём — из разговоров³.

По существу, самым ярким известным нам свидетельством неодобрения близкого круга поэта по отношению к «Стансам», вызванным

¹ См.: Языковский архив. Вып. I. С. 343. В двух справочных изданиях, описывающих жизнь и творчество Пушкина в период 1826—1827 годов (Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина : в 4 т. Т. II (1825—1828). М., 1999; Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина : в 3 т. Т. 1, кн. 1. 1826—1828. М., 2000), других неодобрительных откликов на «Стансы», тогда ещё не напечатанные, мы не находим.

² Д.Д. Благой, называя среди первоначальных адресатов стихотворения «Друзьям» П.А. Катенина, Н.М. Языкова, П.Я. Чаадаева, Н.Н. Раевского, относительно последнего пронизательно сопоставляет наброски черновика стихотворения — «Когда я жертвой клеветы», «Презрѣвъ ты знаешь клеветы» — со строкой из посвящения Раевскому в «Кавказском пленнике»: «Я жертва клеветы и мстительных неведж» (*Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. С. 160).

³ Ряд сведений об общественном неодобрении «никалаевских» стихотворений и вообще тогдашнего поведения Пушкина по отношению к власти относится к более позднему времени, уже после смерти поэта. Так, весьма выразительно записанное в начале 1850-х годов свидетельство С.П. Шевырѣва: «Москва неблагородно поступила съ нимъ: послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвиненія въ ласкательствѣ и наушничествѣ и шпіонствѣ передъ государемъ. Это и было причиной того, что онъ оставилъ Москву» (*Майков Л.* Воспоминания Шевырѣва о Пушкине // Русское обозрение. 1893. № 4. С. 623; Пушкин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 46).

восхвалением царя, служит другое его «николаевское» стихотворение — «Друзьям». Транскрипция черновика выглядит так¹:

- [1] Нѣтъ , я не льстець — когда
Царю
свободную
- [2] Хвалу ~~правдивую~~ слогаю —
правды ~~рѣбе~~
- [3] Я ~~миѣннй~~ ~~рабеки~~ не скрываю
- [4] Языкомъ сердца говорю —

- [5a] ~~Мне ль не любить~~ ~~его~~
царя <онъ> съ высоты
- [5b] ~~Люблю его — не онъ ли мнѣ~~
ь мнѣ
- [6] ~~Простерни~~ Царствен<н>ую руку

ты
знаешь

- [7a] ~~Могучей жертва~~ ложной
[7b] ~~Когда я жертвой~~ клеветы

- [8] ~~Я не~~ Когда изгнанья муку

Мою

- [9] ~~Онъ мысль освободилъ мою~~

- [10] ~~Не даромъ~~

- [11] ~~Онъ — меня~~

- [12] ~~Онъ не купилъ хвалы~~

Черновой набросок этого стихотворения при широкой ориентации датировки следует отнести к периоду от 6 ноября 1827 года до февраля 1828-го, а при узкой — к первой половине ноября 1827-го. Так определяет его датировку Б.В. Томашевский: «...стихотворение можно отнести к ноябрю 1827 г. А в таком случае упоминание войны особенно знаменательно:

¹ РОПД. Ф. 244, оп. 1, № 94 об. Фоном выделен фрагмент, читающийся предположительно; выделенный фоном квадратик отмечает неразобранную букву.

именно в это время политика России по отношению к греческому вопросу изменилась. Россия примкнула к либеральной позиции Каннинга, и в результате соглашения произошло вмешательство в греко-турецкие дела, ознаменовавшееся наваринским сражением 12/20 октября¹.

Черновик находится на обороте листа с белой концовкой стихотворения «Талисман», датированной «6 ноября ночью». «Талисман» был в 1829 году напечатан во второй части «Стихотворений Александра Пушкина» в отделе стихотворений 1827 года; тем самым определяется год — 1827-й.

Место написания не указано; скорее всего, это был номер в гостинице Демута, где Пушкин — по своему обыкновению — поселился после своего возвращения в Петербург за три недели до этого, и на этот раз тоже из Михайловского (по пути на станции Залазы и произошла его знаменитая случайная встреча с другом Кюхельбекером, арестантом, перевозимым из Шлиссельбургской в Динабургскую крепость).

Попытаюсь наметить — весьма предположительно — непосредственные импульсы, побудившие поэта обратиться к этой рискованной для его репутации теме. Здесь примечательны три записки управляющего третьим отделением М.Я. Фон-Фока для Бенкендорфа; одна относится к 31 августа 1827 года (Пушкин тогда был в Михайловском), две другие — ко второй половине октября. В первой записке, названной «О началѣ Собраній Литературныхъ», сообщается о вечеринке у О.М. Сомова по случаю его новоселья, на которой были А.А. Дельвиг, К.С. Сербинович, Н.А. Полевой: «За ужиномъ, при рюмкѣ вина, вспыхнула веселость, пѣли куллеты и читали стихи Пушкина, пропущенные Государемъ къ напечатанію. Баронъ Дельвиг подобралъ музыку къ Стансамъ Пушкина, въ коихъ Государь сравнивается съ Петромъ. Начали говорить о ненависти Государя къ злоупотребленіямъ и взяточникамъ, объ откровенности его характера, о желаніи дать Россіи законы, и наконецъ литераторы до того воспламенились, что какъ-бы порывомъ вскочили со стульевъ съ рюмками шампанскаго и выпили за здоровье Государя. Одинъ изъ нихъ весьма деликатно предложилъ здоровье *Ц е н с о р а П у ш к и н а*, чтобъ провозглашеніе имени Государя не показалось лестью, и всѣ выпили до дна, обмакивая *С т а н с ы П у ш к и н а* въ вино»².

¹ *Томашевский Б.В.* Из пушкинских рукописей. С. 305. Позволю себе не согласиться с жесткой привязкой стихотворения к февралю 1828 года у Д.Д. Благого (см.: *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. С. 160, 273).

² *Модзалевский Б.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. 1826—1830 // *Былое*. 1918. № 1 (29). С. 37—38.

Из этого следует, что рукописные экземпляры «Стансов» были у нескольких участников вечеринки; скорее всего, до публикации стихотворения его списки свободно «гуляли» в обществе.

Во второй записке (первой октябрьской) Фок пишет о Пушкине, что он «ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом»¹.

Особенно выразительна третья (вторая октябрьская) записка Фока: «Поэт Пушкинъ ведетъ себя отлично хорошо въ политическомъ отношеніи. Онъ непритворно любитъ Государя² и даже говорить, что Ему обязанъ жизнью, ибо жизнь такъ ему наскутила въ изгнаніи и вѣчныхъ привязкахъ, что онъ хотѣлъ умереть. Недавно былъ Литературный обѣдъ, гдѣ шампанское и венгерское вино пробудили во всѣхъ искренность. Шутили много и смѣялись и, къ удивленію, въ это время, когда прежде подшучивали надъ Правительствомъ, нынѣ хвалили Государя откровенно и чистосердечно. Пушкинъ сказалъ: «Меня должно прозвать или Николаевымъ, или Николаевичемъ, ибо безъ Него я бы не жилъ. Онъ далъ мнѣ жизнь и, что гораздо болѣе, — свободу:³ вивать!»⁴. Не выглядят ли два фрагмента из записки Фока (отмеченные в сносках к только что приведённой цитате) своего рода прообразами будущих строк стихотворения «Друзьям», набросок которого столь недалеко отстоит по времени от описываемых в ней событий? (Напомню, что этот черновой набросок скорее всего относится к ноябрю 1827-го.)

Вынужден констатировать: последняя записка Фока представляет собой едва ли не самое откровенное выражение тогдашних «процарских» мыслей и настроений Пушкина. Именно так это и могло восприниматься многими в петербургском — и не только в петербургском — обществе, как в среде друзей Пушкина, так и среди далёких от него людей. Именно в те октябрьские и ноябрьские дни 1827 года поэт мог слышать рой осуждения; до него могли долетать слухи о такого рода неодобрительных высказываниях. И вот на обороте концовки «Галисмана» он начинает набрасывать оправдательно-объясняющие строки.

Черновик стихотворения «Друзьям» гораздо более сложен в текстологическом аспекте. Дело вовсе не в трудностях расшифровки: почти всё читается, в чём значительно помогает раздел «Другие редакции и ва-

¹ Там же. С. 39.

² Вспомним строку из стихотворения «Друзьям»: «Его я просто полюбил...» (III, 89).

³ Это перекликается со строкой стихотворения «Друзьям»: «Освободил он мысль мою» (III, 89).

⁴ *Модзалевский Б.* Пушкин в донесениях агентов тайного надзора. С. 39.

рианты» в 17-томном академическом собрании сочинений. Не вызывает особых трудностей в этом черновике и установление последовательности построкового заполнения.

Черновик «Друзьям» ещё менее далёк от «законченности», нежели черновик «Стансов». Начать с того, что, чисто формально, тот верхний слой, который остаётся после изъятия всех зачёркиваний и подстановки в соответствующих случаях заменяющих фрагментов, представляет собой ритмически и синтаксически дефектный, обрывочный текст — во второй строфе, в интервале строк от пятой до восьмой: «...сь высоты / Простеръ мнѣ Царственную руку / Презрѣвъ ты знаешь клеветы / Когда изгнанья муку <...>»¹; то же относится к последующим наброскам в строках 9—12. Отмечу, что в строке 5b следует ввести конъектуру, а именно — пропущенною ошибкою местоимение «онъ» перед концовкой строки «сь высоты»; такую конъектуру мы видим в Большом академическом собрании (III, 643) — правда, без указания конъектурного статуса этой вставки. Следует признать, что здесь поэт лишь набирает текстовый материал, ещё не приходя к какому-либо (пусть и промежуточному) результату, корректному с точки зрения ритмического и синтаксического построения.

Не представляется возможным установить в некоторых случаях комбинации промежуточных вариантов не только между разными строками, но и в пределах одной. Рассмотрим, например, ситуацию со строкой 3. Из описания вариантов для неё в Большом академическом собрании получается такая последовательность вариантов: «Я мнѣній рабски не скрываю» → «Я мнѣній робко не скрываю» → «Я мнѣній рабски не скрываю» (возвращение к первому варианту) → «Я правды рабски не скрываю»; тем самым вариант «Я правды робко не скрываю» исключается. В описании черновика у Б.В. Томашевского² возможность этого варианта также не предусмотрена.

В черновике в этой строке мы (с учётом восстанавливающего подчёркивания слова «рабски») видим три замены: (1) «мнѣній» → «правды», (2) «рабски» → «робко», (3) «робко» → «рабски»; при этом неясен

¹ Окончательное «ты знаешь» дало основание Б.В. Томашевскому утверждать, что «первоначальные стансы были обращены не к коллективному адресату «Друзьям», а к кому-то одному и, следовательно, являются не отзывом на дошедшие до Пушкина слухи, а ответом на какие-то определённые и прямые обвинения. Не был ли Вяземский полемистом Пушкина?» (*Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей. С. 306*).

² *Томашевский Б.В. Из пушкинских рукописей. С. 305.*

статус подчёркивания слова «мнѣній», не согласованного с оставшимся незачёркнутым словом «правды», из-за чего даже окончательный вид этой строки черновика остаётся под вопросом (возможно, автор не дошёл до конца подразумевавшийся им возврат: «правды» → «мнѣній»). Из трёх указанных замен относительно второй и третьей мы можем указать точно их относительный порядок: замена некоего фрагмента с зачёркиванием предшествует его восстановлению с помощью подчёркивания. А вот относительно порядка замен (1) и (2) мы ничего определённого сказать не можем; академическое же издание, исключая этот вариант, жёстко предписывает такую последовательность замен: (2) → (3) → (1), для чего черновик оснований не даёт.

Обратимся к строкам 5b—6. Здесь обнаруживаются три замены: в строке 5b две: (1) «его» → «царя», (2) «не онъ ли мнѣ» → «<онъ> съ высоты»; в строке 6 одна: (3) «Простерши» → «Простеръ мнѣ». При этом окончательного варианта нет: начало строки 5b — первые два слова — зачёркнуты без замены. С учётом синтаксиса из восьми возможных комбинаций здесь допустимы только шесть промежуточных вариантов: (I) «Люблю его — не онъ ли мнѣ / Простерши Царственную руку» (исходный); (II) «Люблю царя — не онъ ли мнѣ / Простерши Царственную руку»; (III) «Люблю его — <онъ> съ высоты / Простерши Царственную руку»; (IV) «Люблю Царя — <онъ> съ высоты / Простерши Царственную руку»; (V) «Люблю его — <онъ> съ высоты / Простеръ мнѣ Царственную руку»; (VI) «Люблю царя — <онъ> съ высоты / Простеръ мнѣ Царственную руку». В Большом академическом собрании здесь отмечено только три варианта: первые два соответствуют двум указанным выше — (I) и (V), а последний синтаксически дефектен — «Люблю царя — не он ли мне / Простеръ мне Царственную руку».

В моей совместной с И.А. Пильщиковым статье¹ для такого рода вариантной рукописной текстологической неопределённости в черновике, при которой нет возможности категорично указывать возможные промежуточные варианты, предложена особая нотация, с помощью которой ситуацию в строках 5b и 6 можно отразить следующим образом:

Люблю { его | царя } { не онъ ли мнѣ | <онъ> съ высоты } / Простер { ши | ѣ мнѣ } Царственную руку

¹ *Перцов Н.В., Пильщиков И.А. О лингвистических аспектах текстологии // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 13—14, 25—26.*

При этом нужно специально отметить, что комбинация вариантов «не онъ ли мнѣ» + «Простеръ мнѣ» исключается из-за их синтаксической несовместимости (повторение местоимения «мнѣ»).

Стихотворение «Друзьям» в феврале 1828 года — вскоре после опубликования «Стансов» — Пушкин передал Бенкендорфу для императора, резолюция которого была двойственной: с одной стороны, Бенкендорф сообщил (в письме от 5 марта 1828 года), что «Государь совершенно доволен» сочинением, с другой — что он не желает его публикации. При этом Бенкендорф утаил в письме царское добавление: «Cela peut courir, mais pas être imprimé» — «Это можно распространять, но не печатать». Сомневаться в том, что Пушкину оно стало известно, не приходится: стихотворение стало распространяться в многочисленных списках. Академическое издание отмечает двадцать копий; среди них — копия третьего отделения, по которой оно и печатается. В четырёх копиях заглавия нет, в шестнадцати стихотворение озаглавлено, причём по-разному; всего отмечено десять заглавий, среди которых такие «колючие», как «Льстец» и «Оправдание» (III, 1154—1155)¹. В шести копиях заглавие «Друзьям», и среди них — копия III отделения; так же названо стихотворение в письме Бенкендорфа Пушкину. Впервые стихотворение было опубликовано спустя почти 30 лет после написания, в 1857 году, в седьмом, дополнительном, томе анненковского собрания сочинений Пушкина.

Мне представляется, что списки стихотворения могли появиться ещё до публикации первого «николаевского» стихотворения «Стансы» в «Московском Вестнике» в январе 1828 года — и что эти списки могли ещё более сгустить неодобрительный туман вокруг Пушкина. В письме от 10 января, предположительно атрибутируемом А.М. Тургеневу и обращённом к историку А.И. Михайловскому-Данилевскому, автор пишет перед текстом «Стансов»: «Прилагаю вамъ стихи Пушкина, impromptu², написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетѣ его величества»³. Здесь, правда, говорится не о втором, а о первом

¹ «...даже заглавия, которые были приданы стансам 1828 года в некоторых из списков, показывают, какую не только резко отрицательную, но и прямо обидную, оскорбительную для поэта реакцию вызвали они у ряда читателей» (*Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина. С. 170).

² Экспромт.

³ Русская старина. 1890. Т. 68, № 12. С. 747—748. В этом приложенном тексте в двадцати строках мы обнаруживаем восемь расхождений (не считая

«николаевском» стихотворении; однако не мог ли это слух распространиться под влиянием хождения в обществе текста второго?¹ 17 апреля П.А. Катенин в письме литературному критику Н.И. Бахтину говорит о связи пародийной окраски образа певца-эллина в своём стихотворении «Старая быль» с намёком на «Стансы» Пушкина, опубликованные за три месяца до этого, и отзываясь о них так: «О «Стансах» С.П. (то есть «Саши Пушкина». — *Н.П.*) скажу Вамъ, что онъ, какъ многія вѣщи въ немъ, плутовскія...»²

Если обратиться к эпистолярным свидетельствам, касающимся второго «николаевского» стихотворения, то здесь следует отметить письмо жены Баратынского Анастасии Львовны, которая в мае 1828-го пишет в Мару В.А. Баратынской: «Пушкин сочинил новые стихи к Государю, которые ещё не напечатаны; говорят, он получил пенсioen в десять тысяч рублей»³. Здесь уже определённо имеется в виду стихотворение «Друзьям». Через несколько месяцев, 20 сентября, Языков в письме к брату Петру отзываясь очень резко: «Стихи Пушкина «Къ друзьямъ» — просто дрянъ: такими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательством тонкаго вкуса литературнаго въ нынѣ дѣйствующемъ Государѣ есть то, что онъ не позволилъ ихъ напечатать!»⁴ Это выглядит странно и не вполне последовательно — в свете процитированного выше отзыва Языкова в письме к другому брату, Александру, о «Стансах», которые поэту показались недостаточно хвалебными. В письме же к А.Н. Вульффу, написанному 1 ноября, спустя месяц с небольшим после только что процитированного, Языков проявляет новую непоследовательность (на этот раз — хорошего толка), отзываясь о «Стансах» так: «Стихи Пушкина къ Государю я зналъ давно. Радуюсь сердечно, что наконецъ Петръ, Мазепа и Полтава нашли себѣ

пунктуационных и связанных с регистром букв — строчных/прописных) с первопечатным текстом стихотворения в «Московском вестнике», появившемся через несколько дней после написания письма. При этом два варианта в этом тексте близки к тем, которые фигурируют в пушкинском автографе: «Онъ всюду сѣялъ просвѣщенъе» (в автографе «всюду» заменено на «смѣло»); «Какъ онъ — рѣшителенъ и бодръ» (в автографе «Какъ онъ рѣшителенъ и твердъ»; в печатном тексте — «Какъ Онъ неутомимъ и твердъ»).

¹ Версия о месте написания «Стансов» («въ кабинетѣ государя») представляется абсолютно нереальной.

² Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). СПб., 1911. С. 114—115.

³ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. II. С. 391.

⁴ Языковский архив. Вып. 1. С. 371.

достойного воспѣвателя. Желаю Пушкину долготерпенія для этого труда божественнаго: больше желать ему нечего; его викторія на Парнасъ такъ вѣрна, какъ на небѣ луна»¹.

Прошло три года после первой публикации «Стансов» — и вот в Лондоне А.И. Тургенев, получив из России две части «Стихотворений Александра Пушкина» (1829), заносит в дневник осуждающий отзыв о «Стансах»: «В нём (Николае I. — *Н.П.*) они видят Петра Великого? Зачем сравнивать бывших друзей сибирских с стрельцами? Стрельцы были запоздалые в веке Петра: эта ли черта отличает бунт <Петер>бургский?»²

В связи с «николаевскими» стихотворениями можно вспомнить и о других аналогичных случаях: в 1830 году великое стихотворение «К вельможе», вызвавшее злобный фельетон Полевого; в 1831-м — два стихотворения, связанные с польским восстанием, — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», о которых резко и неодобрительно отозвался — среди прочих — Вяземский; в 1836-м — блестящая бурлескная сатира «На выздоровление Лукулла» — с осмеянием высокого вельможи министра Уварова, повлѣкшая вызов к Бенкендорфу и другие неприятности; в том же году — глубокое стихотворение «Полководец», одно из проникновенных созданий пушкинского гения, вызвавшее критику в связи с неверно понятым пафосом, якобы принижающим заслуги Кутузова.

Первые два «николаевских» стихотворения принесли Пушкину серьёзные неприятности: удельный вес осуждения явно превосходил одобрение. Может быть, именно поэтому авторство «Героя» — третьего «николаевского» стихотворения (написанного знаменитой Болдинской осенью 1830 года) — поэт тщательно скрывал и опубликовал его анонимно.

¹ Языковский архив. Вып. 1. С. 414.

² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина : в 4 т. Т. III (1829—1832). М., 1999. С. 313. По поводу этой дневниковой записи Тургенева верно сказано в статье М. Максимова: «В отзыве Александра Ивановича на «Стансы» обнажается трагизм положения Пушкина; даже такой его доброжелательный друг, у которого не было и тени сомнения в чистоте его нравственного облика, считал это стихотворное обращение ошибкой. Тот, чья рука не дрогнула благословить приговор декабристам — передовым людям своего поколения, — не станет вровень с Петром I — таково было твёрдое убеждение Александра Ивановича» (*Максимов М.* По страницам дневника и писем А.И. Тургенева (Пушкин и А.И. Тургенев) // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 364).